

Французский дипломат об открытии памятника Петру I в Санкт-Петербурге

18 августа исполнилось 215 лет одному из шедевров монументального искусства — конной статуе Петра Великого в Санкт-Петербурге работы французского скульптора Этьена-Мориса Фальконе (1716-1791), многие годы трудившегося в России.

Идея воздвигнуть памятник основателю Российской империи возникла еще у Елизаветы Петровны в самом начале ее царствования, но воплотить ее в жизнь императрица так и не собралась. О неосуществленном замысле своей «блаженной памяти тетки» вспомнила Екатерина II, считавшая себя идейной преемницей Петра Великого. Императрица поручила заняться этим делом президенту Академии художеств Ивану Ивановичу Бецкому, который, в свою очередь, обратился к русскому посланнику во Франции князю Дмитрию Алексеевичу Голицыну с просьбой найти там подходящего скульптора для создания достойного памятника.

В результате тщательного отбора кандидатов князь Голицын остановил выбор на протеже своего друга Дидро, Этьене-Морисе Фальконе, авторе изящных композиций в духе раннего классицизма и-моделей для северского фарфора.

Русский посланник был буквально поражен бескорыстием талантливого французского скульптора. В письме канцлеру графу Никите Ивановичу Панину от 31 августа 1766 г. кн. Голицын сообщал:

“Я не должен умолчать о черте бескорыстия г.Фальконета. Ваше Превосходительство могли видеть по запискам других художников, сообщенным мною г.Бецкому, что самое скромное требование простиралось до 450 тысяч ливров. Согласно с этим я счел себя вправе предложить 300 тысяч, но г.Фальконет сам нашел такую цифру вознаграждения превеличественною, и что я ни делал, я не мог уговорить его назначить более 200 тысяч. Путевые и все остальные издержки точно также гораздо ниже того, что запрашивали другие художники. Считаю лишним настаивать на подобной черте бескорыстия, зная в какой мере добродетель и честность Вами ценятся, я уверен, что бескорыстие не оставит его в накладе”.

Внутренние сомнения князя Голицына оказались, увы, пророческими. Фальконе если и не остался в накладе, то уж во всяком случае в России не разбогател. Как и всякая творческая натура, Фальконе был не только самолюбив, но к тому же еще упрям и вспыльчив. По этой, видимо, причине с самого начала не сложились отношения Фальконе с И.И.Бецким, его непосредственным начальником и куратором, пользовавшимся особым доверием императрицы. К тому же, невиданно смелый проект Фальконе встретил неприятие у консервативно настроенных членов Академии художеств, которые распускали слухи, будто в проектируемый памятник Петру изначально заложена непрочность и неустойчивость. Все эти сплетни достигали ушей императрицы, которая постепенно охладела к приглашенному ею мастеру. Дело дошло до того, что она перестала его принимать.

Тем не менее, столь же упрямым, сколь и талантливый скульптор продолжал свое дело в течение почти двенадцати лет, завершив работу к середине 1778 г. А в первых числах сентября того же года он

покинул Россию с чувством выполненного долга, но и сильно уязвленного самолюбия. Придворные недоброжелатели Фальконе лишили его возможности даже попрощаться с Екатериной II, которая воочию (а не в чертежах) увидела заказанный ею памятник Петру I лишь 18 августа 1782 г. Впрочем, императрица осталась довольна результатами труда маэстро Фальконе.

В архиве Министерства иностранных дел Франции на Кэ

Франции членами русской императорской фамилии.

Но вернемся все же к Медному всаднику и предоставим слово маркизу де Вераку:

В Санкт-Петербурге, 23 августа 1782

Господин Граф,

Императрица выехала из Царского Села в пятницу, 16-го сего месяца и направились в город (Санкт-Петербург) для того, чтобы на следующий день принять участие в празднике гвардейского Преображенского полка. По этому случаю при Дворе был устроен парадный обед и Ее Величество обедала в обществе офицеров этого полка, облачившись в их полковой мундир.

В воскресенье 18 августа состоялась пышная и торжественная церемония открытия памятника Петру Первому в память о Восстановителе (Restaurateur) Империи. Этот монумент воздвигнут на очень просторной площади, которая, с одной стороны, образована зданиями Сената и Адмиралтейства, а с другой, — (набережной с) мостом через Неву, соединяющим эту часть города с Васильевским островом.

Эта площадь была заполнена огромной толпой народа, тремя гвардейскими пехотными полками, полком конной гвардии, артиллерийским полком и другими воинскими частями общей численностью до десяти тысяч человек при оружии. Для удобного размещения зрителей избранного круга там были сооружены своего рода подмости. Статуя была скрыта за огромными, декоративно расписанными, полотняными щитами.

В пять часов вечера Императрица, выйдя из своего дворца, спустилась в стоявший на Неве баркас, доставивший ее к месту события. Она сошла на берег в сопровождении многочисленного кортежа, состоящего из офицеров (кавалергардов) и фрейлин своего Двора, и поднявшись в Сенатский дворец, вышла на его большой балкон. Ее Императорское Величество дала сигнал, и в тот же момент щиты, скрывавшие монумент, опрокинулись на глазах зрителей. Появление (статуи) Петра Великого было отмечено трехкратным залпом (орудий) адмиралтейской артиллерии и (Петропавловской) крепости, сопровождавшимся ружейными залпами присутствующих на площади войск.

Затем полки прошли торжественным маршем перед Ее Императорским Величеством, которая (по окончании парада) снова поднялась на свой баркас и отбыла на нем в сторону дворца, откуда в тот же вечер уехала в Царское Село.

Это событие было отмечено выпуском памятной медали, на одной стороне которой изображена статуя Петра Первого, а на другой — бюст Императрицы. Ее Императорское Величество приказала вылить из золота некоторое количество таких медалей, которыми она соблаговолила одарить главных вельмож своего Двора и иностранных министров (т.е. послов — П.Ч.).

Вы (уже) знаете, Господин Граф, что этот памятник представляет собой Петра Первого

на вздыбленном коне, преодолевающим вершину скалы, которая служит пьедесталом и на котором можно прочесть столь же благородную, сколь и простую надпись: PETRO PRIMO CATHARINA SECUNDA.

Эта смелая идея в ее воплощении производит замечательный эффект и делает самую высокую честь гению сфера Фальконе. Весьма лестным для нашей скульптурной школы является то, что самые прекрасные памятники такого рода, находящиеся на севере Европы, были сооружены французскими мастерами.

Имею честь быть с уважением, Господин Граф, Ваш покорнейший и преданнейший слуга Господину Графу де Вержену Маркизу де Вераку.

Министр иностранных дел Франции, поглощенный сложными проблемами европейской политики, тем не менее счел необходимым откликнуться на событие, казалось бы, сугубо культурного значения, имевшее место 18 августа 1782 г. в далеком Санкт-Петербурге. В ответном письме маркизу де Вераку от 22 сентября 1782 г. граф де Вержен писал:

“Церемония открытия памятника Петру Великому — это один из эпизодов славной эпохи царствования Екатерины II; надпись же на памятнике, которая искусно проводит параллель между деланиями двух Суверенов, не могла бы быть более удачной. Я испытываю большое удовольствие от того, что французский скульптор, который его задумал и исполнил, достиг своей цели. Великие идеи перестают таковыми быть, когда они плохо воплощены. Но когда искусство в состоянии выразить то, что рисует воображение, когда все средства использованы для достижения задуманного, тогда полный успех обеспечен как Государю, ставящему задачу, так и художнику, воплотившему его гениальный замысел”.

В описании французским посланником торжественной церемонии в Санкт-Петербурге можно внести лишь небольшие уточнения. По другим сведениям, численность войск, задействованных в тот день, составляла не 10, а 15 тыс. человек. На Сенатской площади уже к полудню были выстроены Преображенский, Семеновский, Измайловский, Конный, Бомбардирский, Киевский пехотный, Новотроицкий и Кирасирский полки, а в устье Невы вошли боевые корабли русского флота, пушки которых также салютовали памятнику Петру Великому. И сама церемония началась как будто бы не в пять часов, как об этом сообщал маркиз де Верак, а часом ранее.

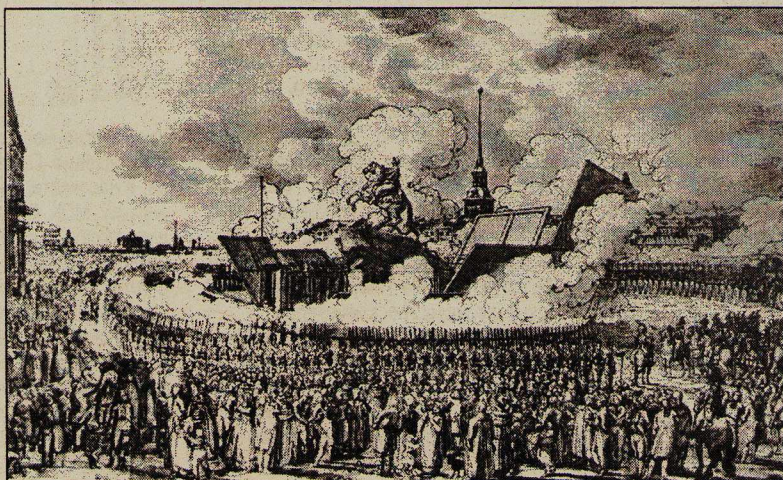
Погода в тот день с утра была пасмурной и даже дождливой, но к полудню облака рассеялись, и солнце светило до самого вечера, что привлекло на площадь большое число любопытствующих горожан.

Празднества завершились оглашением высочайшего манифеста об амнистии отдельным категориям осужденных преступников и прощении несостоятельных должников. Так своеобразно императрица Екатерина II отметила двадцатую годовщину своего царствования, к которой и было приурочено открытие памятника Петру Великому.

Не был забыт и главный устроитель торжества, под чьим неуспынным (и не всегда благотворным) наблюдением происходило создание памятника, действительный тайный советник Иван Иванович Бецкой. 22 сентября (по старому стилю) 1782 г. он получил ленту только что учрежденного в тот день ордена Св. Владимира. И только об Этьене-Морисе Фальконе никто не вспомнил. Впрочем, эту очевидную несправедливость исправила сама история.

ПЕТР ЧЕРКАСОВ

Москва

А.Давыдов. Открытие памятника Петру I. 1782.